
О родине, о маме,
о жизни, о любви
стихи приходят сами –
зови иль не зови...

Жгут сердце строки эти,
они не могут тлеть,
и ты живешь на свете,
чтоб их запечатлеть.

Дрогнет рябины ветка
вдруг за моим окном...
Я к середине века
добрым пророс зерном
сквозь чернозем с навозом
в послевоенный быт.
В нашей семье колхозом
не был никто забыт.
В кузнице утром ранним
батька огонь вздувал.
В правую руку ранен,
левой рукой ковал.
Засветло мне на конный
двор – жеребят пасти.
Молится у иконы
мама: «Господь, спаси!»
В зыбке сестренка – помню –
сладко спала тогда.
Братья в лугах и в поле –
лето, покос, страда.
Старшей сестре работа –
веялка на току.

И от жары охота –
с берега да в реку...
Детство за мной живое
катится по судьбе...
Слышали вы, как воет
ветер зимой в трубе?
Десять коленок острых
рядышком на скамье:
братья мои и сестры –
пятеро нас в семье.
С печи да на полати,
кубарем утром вниз:
сестры мои и братья –
Люба, за ней Борис,
а за Борисом Саша,
значит, за Сашей я,
следом Верунька. Наша
вся на виду семья...

Дрогнет рябины ветка,
и разомкнется круг.
Видимся, братья, редко,
видимся, сестры, вдруг.
Сельское все, простое
вижу теперь во сне.
Солнышко золотое
светит оттуда мне.

Свалив на бугре недометанный стог,
взбесившийся ветер скатился в низы,
и в теплую пыль деревенских дорог
упали тяжелые капли грозы.

Ворчала, ворочалась туча-зыбун.
Вдруг ливень ударил, ручьи потекли.
И мчался пришпоренный громом табун,
вздымая копытами комья земли.

Летели галопом мои стригунки,
а ливень по спинам всюю молотил,
с колхозной машиной наперегонки
летели они, выбиваясь из сил.

Я к рыжему крупу трехлетка прирос,
пока не возник конный двор перед ним,
а там среди пахнущих дегтем колес
мы долго дышали восторгом одним.

Исхлестан дождем от макушки до пят,
я видел – сверкала небес круговерть
в безумных и влажных глазах жеребят,
что сбились, дрожа, под сухую повесть...

От горизонта, землю накрывая,
как будто вал какой-то нефтяной,
не туча, а стихия грозовая
ползла на город темною стеной.

Она вершила грозное движенье,
пытая человека наяву:
мол, выдержать такое напряженье
по силам ли живому существу?

И серую дымящейся завесой
(над головою крыша не спасет!)
тяжелый ливень шел над ближним лесом,
казалось, лес потоками снесет.

Казалось, гром земли разбудит недра,
казалось, молнии разрежут вдруг поля...
И карусель, раскрученная ветром,
скрипела осью, как сама земля.

Только услышу – гармонь заиграла,
сердце на миг встрепенется в груди...

Легкое перышко с неба упало,
утро настало, вся жизнь впереди.
Песня исчезнет и... снова приснится.
Вот я бегу босиком по тропе
сквозь золотистое поле пшеницы
солнцу навстречу, навстречу судьбе.
А за околицей, а на лужайке –
праздник престольный, Кузьма и Демьян.*
Там на гармошке и на балалайке
брат мой играет – не нужен баян.
Песню подхватят и бабы, и девки.
Сдвинут стаканы молчком мужики.
И далеко разлетятся припевки –
до горизонта, до самой реки...
Вдруг – из района товарищ. Вопросы:
– Что за гулянка?

Ответят ему:

– Это Орловка вернулась с покоса,
с дальних лугов аккуратно на Кузьму.

Небо в глазах опрокинется навзничь.
Воздух июльский полынью горчит.
И одноногий Максим Афанасьич:
– Мы победили! – сквозь слезы кричит.-
Руку подай, одногодок Петруха!
Мне деревяшка житья не дает!
Мы-то живые... Другим – невезуха –
тем, кто с войны никогда не придет.
На зиму хватит и сена, и хлеба.
Раны болят? Потерплю, заживет...

Русская песня – дороженька в небо –
только услышу – зовет и зовет.
Спеет пшеница. Луга покосили.
И нагулялись. Пора и домой!

Как же охота вернуться в Россию
послевоенную, Боже ты мой!

* 14 июля мое родное село Орловка отмечает престольный праздник святых бессребренников Космы и Дамиана, в честь которых названа церковь.

В НОЧНОМ

Луга за Камой. Полночь. Блеск зарниц.
И быть, и небыль!
Над всей рекой отсутствие границ
между землей и небом.

На крыльях сна в ту ночь хочу вспорхнуть –
там ангелы летали.
И вспыхивал над миром Млечный Путь
не для меня ли?

Ведь помню, помню до сих пор не зря,
как небо пело,
как надо мной волшебная заря
горела...

Выпью горькую, вспомню истоки
и печали своей, и любви...
Меж озер луговые протоки –
рыбы в них, хоть руками лови!

И песок, и прибрежные ивы
память сердца берут в оборот:
дикий лук, сенокосные гривы,
жеребята, бредущие вброд

через годы, речушки и реки,
утопая в рассветных лучах...
Пусть останется с ними навеки
и душа моя в дальних лугах!

ВОСПОМИНАНИЕ О МОЕЙ МАМЕ

От зимнего солнца закапало с крыши
уютного домика бабы Мариши.
С карниза сосульки висят, как свирели.
С них в марте капли всю зазвенели.
А к бабе Марише скворцы прилетели,
уселись на крыше...

И внук ее, Юрка, беспечен и весел,
на старой рябине скворечник повесил.
Мариша и рада – чирикают пусть
и в дом не пускают унынье и грусть.
Хоть место известно на сельском погосте,
еще в домовину не просятся кости.
Из города – видишь – нагрянули гости:
три сына, две дочери: мама, встречай,
в твоём самоваре особенный чай!
Все взрослые стали. И хлеба не просят.
Мариша смеется: «Наверно, не бросят.
Видать, пятерых поднимала не даром...
А Юрка: «Бабуля, следи за базаром!
Ты самая главная в нашем роду!»

На яблонях почки набухли в саду...

Найдут сыновья молоток да топор,
починят калитку, поправят забор.
А в горнице снохи – и хохот, и топот –
пельменей настряпают, баньку натопят.
Румяны бабенки, румяны блины!
Сто лет бы жила – от весны до весны...

УРОКИ РУССКОГО

Самовар остывал неохотно.
И беседа, как речка, текла.
А лиловые сумерки плотно
опускались на крыши села.
– Ночевать-то оставишь, Мариша?
– На ночь глядя, куда ж ты пойдешь?

Вот и жизнь пролетела, а слышу
на два голоса оканье сплошь:
– Понесет – не догонишь на паре, –
о подружке судачат они:
наша мама и тетенька Варя,
наша гостья из дальней родни.
Мне давно уж пора за тетрадки.

Утром в школу. Что ж, делаю вид...
Не могу не подслушать украдкой –
Тетя Варя опять говорит:
– Пусть Петруха поправит тычинник –
в огурешнике вашем дыра.
– Сам-то в кузнице. Борька починит.
Или Санька – обоим пора.
– Трудно с ними? Семья-то большая:
трое неслухов, пара невест.
– Нет! Живем, никому не мешая –
Бог не выдаст, а нехристь не съест.

Чашку чая с гостинцем откушав,
я залезу на теплую печь.
Пусть вливается в детскую душу
деревенская русская речь.

ЛУКОМОРЬЕ

Между сосен тропинка лесная
В Лукоморье зовет, на траву.
Ничего о свободе не знаю –
я по воле небесной живу.

Это облако белое – чудо!
Реки – правда? – впадают в моря?
– Мама, мама, я взялся откуда?
Улыбается мама моя...

Мне б увидеть любимого брата!
Брат играет – гармошка поет.
В смерть не верю. Есть точка возврата.
В детство выбегу я из нее...

Ты жива еще, моя старушка...

Сергей Есенин

В России поэтов любят только после смерти.

Михаил Анищенко

Вернуть соловьиные годы,
упасть в луговую траву...
Хотелось любви и свободы,
хотелось в Казань и в Москву
из Богом забытой Орловки.
Вперед! И Казань, и Москва
капканы свои и уловки
расставили – выжил едва.
Вернулся, аж мать не узнала,
смурным из незваных гостей.
Чье солнце тебя обжигало,
чей холод прошиб до костей?
Родная! Ни солнце, ни вьюга
меня не свалили бы с ног,
я сам из похмельного круга
вернулся к тебе на порог.
В столицах чужие бульдоги
российскую славу пасут.
Рванешься по скользкой дороге –
всю душу тебе растрясут.
Тебе не расскажешь об этом,
но я занесу на скрижаль
вослед за великим поэтом
слезы материнской печаль.
Я вырвался из круговерти!
Спас матери иконостас.
И кто там кого после смерти
полюбит – неважно для нас...

Уж листья ржавые стряхнули
дубы. Их ветер подхватил.
И то ли гвозди, то ли пули
в суглинок ветер вколотил.

И по исхлестанной дороге
вода катилась, пузырясь,
и на родительском пороге
я ждал, когда просохнет грязь.

А осень, ветренная дама,
все хохотала надо мной:
«Герой! Сиди уж лучше дома,
покуда непогодь стеной...»

Куда рвалась, о чем томилась
моя душа... давным-давно?
Исход один. Скажи на милость,
не все ль равно?..

Наверно, верил – не случайно –
там, за дождем, в туманной мгле
когда-нибудь открою тайну,
зачем я нужен на земле.

Трава, прибитая морозцем,
похрустывает под ногой
и чаги темные наросты
мелькают в рощице нагой.

И небо с отблеском металла
глядит в покорные глаза
берез. Давно ли в них метала
и гром, и молнии гроза?

И, выворачивая корни,
валил подружек ураган.
Кричали гуси, ржали кони,
и выл из будки пес Полкан.

В избе у камских побережий
молилась мать, целуя крест.
А сын, неожиданный гость приезжий,
не узнавал знакомых мест.

И мнилось сыну – этой роще,
с небесной волею мирясь,
и тяжелее жить, и проще
в любую стынь, в любую грязь.

О чем же Господу молиться
под солнцем или под луной,
коль неизбежное случится
с природой, с вами и со мной?

О чем молчат и лес, и Кама,
а журавли летят, трубя?
О чем твоя молитва, мама?
– Я, сын, молилась за тебя...

Утихнет ветер, зимний, хлесткий.
Весной воскреснет мир живой,
и зашумят опять березки
своей окрепшею листвою.

По морозцу, хрустя снежком.
через лес прохожу пешком.
Иней, как серебро седин,
с елок падает и осин.

Замечаю на склоне лет,
одолев не одну версту:
седина переходит в свет –
в абсолютную чистоту.

ОГОНЬ В ПЕЧИ

На небосклоне звезды тают.
Печь спозаранок затоплю.
Оттуда искры вылетают –
я на огонь смотреть люблю.
Вчерашний праздник подытожу,
под нос куплетик пропою.
Не мне судить, достойно ль прожил
я жизнь свою...
Друзей берег, врагов не нажил,
и, трезвый в дым,
за все грехи былые, скажем,
прощен и, может быть, любим.
Сквозь закоулочки кривые
к вершинам шел, был и на дне.
В минуты жизни роковые
вдруг улыбался ангел мне.
Огонь в печи, твой отблеск алый,
в глаза уставшие ловлю...
Я ближе к вечеру, пожалуй,
Еще и баньку затоплю.

Вне времени, ни летом, ни зимой,
на грани чуда пересотворенья
лишь после смерти я вернусь домой –
туда, где жил когда-то до рожденья.

И буду ждать, томиться в том раю,
на той далекой Млечной переправе,
куда же в этот раз печаль мою
рука Отца Небесного направит...

БЕЗСМЕРТНЫЙ ПОЛК*

Идем одной колонной. И у каждого
в руках портрет – реликвия своя.
Не господ – товарищи и граждане –
единая российская семья.

Знамена и хоругви здесь не лишние.
Отцы и деды с нами! Мы – народ.
Они – в Небесном войске у Всевышнего,
мы на Земле свершаем Крестный ход.

Враги, вы зря протестами полощете, –
идут богатыри, а с ними Бог!
Вся ваша мелюзга с Болотной площади
осядет пылью пройденных дорог...

Со мною внучка, сын, жена любимая,
и вся моя Орловка, вся родня.
Идет по свету рать неодолимая!
Отец родной, ты слышишь ли меня?

Ты плачешь ТАМ слезами чистой радости,
ты не забыт, и пахарь, и солдат!
Не надо фейерверков – из-под радуги
На нас, живых, бессмертные глядят!

Державный шаг с молитвами великими –
единства очищающий момент!
Вглядись в людей – их лица стали ликами,
и впереди колонны – президент.

А лучше – вождь, вернувший Крым Отчеству,
и у него в руках – родной портрет.
Бессмертный полк – спаситель человечества.
Другой опоры не было и нет!

* На букве «з» в названии настаиваю вслед за Владимиром Крупиным.

Декабрьский дождь и майский снегопад
ворвутся в жизнь и все переиначат.
Вон в конуре безмолвствует Пират,
а внучка – ей три года – чуть не плачет...

Черту смиренья не переступи,
живи в ладу с надеждою незримой!
«Все будет хорошо. Ты потерпи, –
скажи спокойно женщине любимой.-
Земля прекрасна, наша жизнь на ней
устроена – счастливей не бывает...»

Неясная тревога все сильней,
все явственней тебя одолевает.

А за рекой, на непаханом поле,
глядя на облако из-под руки,
девочке Кате и мальчику Коле
добрые люди сплетали венки
из васильков и душистого хмеля.
Пел соловей и гудели шмели.
Сидя на облаке, ехал Емеля,
жаром от печки касаясь земли.
Лето звенело густым разнотравьем.
В хоре лягушек солист – коростель.
Нюх и чутье мне уже не исправить:
запах полыни милей, чем «Шанель»...

Жил я в столице, бродил я у моря,
радость искал, а тоску находил.
Полною чашей и счастье, и горе,
жажду любви утоляя, испил.
Стайка стрижей прочертила однажды –
песня твоя, как и жизнь, коротка.
Чистый исток утолит твою жажду,
к берегу детства поманит река.
Я возвратился – смотреть на закаты.
Здесь оборвутся земные пути.

Мы перед родиной все виноваты –
чистых истоков уже не найти.
Лишь за рекой, на некошеном поле,
Глядя на облако из-под руки,
девочке Кате и мальчику Коле
добрые люди сплетают венки.

В БОЛЬНИЧНОЙ ПАЛАТЕ

Диагноз – трепетание предсердий...
Поэзия! Нужны ли тут врачи?
В палате смех. И кто-то из соседей
Сказал, шутя: «Не хочешь – не лечи!
Люби и будь любим, покуда ноги
несут – и о пощаде не моли!»

И Женщина возникла на пороге.
Трепещут вновь предсердия мои.

Не дорожи моей любовью,
не стой подолгу на ветру!
Скажи вослед: «Господь с тобою!»,
когда умру.

Умру. И Лета, словно Кама,
позволит вечность полюбить.
Жена покойная да мама
меня там встретят, может быть...

ПОЭТУ

И Слово было Бог...

От Иоанна

О чем ты говоришь, Господь с тобою?
Игра в слова – опасная игра,
когда она становится судьбою
на грани адской бездны и добра.

Бумага, карандаш, остывший кофе,
сквозняк в жилище, тесном и пустом...
А ты вслед за Учителем к Голгофе
идешь, гонимый, с жертвенным крестом.

Неважно где – в Рязани иль в Казани –
настигнет срок, когда платить пора.
И Божий дар, и Божье наказание –
игра в слова, опасная игра.

Поэт не врач, а боль. Струна и нерв.
Когда к поэту уваженья нет,
не сомневайтесь в том, что одурочен,
народ, ведомый властью к поп-звезде
и к зрелищам, и далее везде,
где Пушкин на Киркорова растрочен...

В морозном воздухе двоится
крестьянский острый серп луны...
Кто любит Бога, не боится
иной неведомой страны.

Земная жизнь – подарок царский.
Что небеса откроют мне?
А серп заточен по-татарски
здесь, на казанской стороне.

И рядом с ним над зимней Камой
горит Полярная звезда.
С землю этой, словно с мамой,
легко ль расстаться навсегда?

Мы в ту страну с рожденья метим,
но почему-то все равно
живой душе смириться с этим
до самой смерти не дано...